УДК 343.713 ББК 67.408.121.6

Р. Г. ХОМУТОВА
Волгоградский государственный университет (ВолГУ)

Д. В. ДАВТЯН
Волгоградский государственный университет (ВолГУ

R. G. KHOMUTOVA
Volgograd State University (VolSU)

D. V. DAVTYAN
Volgograd State University (VolSU)

ШАНТАЖ КАК СПОСОБ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

BLACKMAIL AS A METHOD OF EXTORTION

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ уголовной ответственности за вымогательство с учетом исторических, современных и цифровых аспектов. Актуальность темы обусловлена ростом числа преступлений, усложнением способов совершения вымогательства, а также трансформацией криминальной практики в условиях цифровизации общества. Основная цель работы заключается в системном рассмотрении развития законодательства, проблем квалификации, выявления, расследования и профилактики вымогательства в России, а также в сопоставлении национального опыта с зарубежными подходами. В статье рассмотрены историко-правовые этапы становления норм об ответственности за вымогательство, проанализированы действующие правовые определения и квалификационные признаки, выявлены сложности их применения в судебной практике, отражены проблемы отграничения от смежных составов. Значительное внимание уделено кибершантажу, его формам, а также виктимологическим особенностям жертв, типам угроз и последствиям психологического воздействия на потерпевших. Важным разделом становится анализ трудностей выявления и расследования вымогательств, особенностей латентности, использования новых методов криминалистики и межведомственного взаимодействия, а также прогнозирования новых угроз.

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of criminal liability for extortion, taking into account historical, modern and digital aspects. The relevance of the topic is due to the growing number of crimes, the increasing complexity of extortion methods, as well as the transformation of criminal practice in the context of the digitalization of society. The main purpose of the work is to systematically review the development of legislation, qualification issues, detection, investigation and prevention of extortion in Russia, as well as to compare national experience with foreign approaches. The article examines the historical and legal stages of the formation of norms on liability for extortion, analyzes the current legal definitions and qualification criteria, identifies the difficulties of their application in judicial practice, reflects the problems of differentiation from related structures. Considerable attention is paid to cyber-harassment, its forms, as well as the victimological characteristics of victims, types of threats and the consequences of psychological impact on victims. An important section is the analysis of the difficulties of detecting and investigating extortion, the features of latency, the use of new methods of criminology and interdepartmental interaction, as well as forecasting new threats. Historical-legal,

Используются историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, криминологический и виктимологический методы, что обеспечивает всесторонность рассмотрения проблемы. Сопоставляется опыт России и зарубежных стран в области квалификации, профилактики и реагирования на вымогательство. В заключение сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства и практики его применения с учетом новых видов угроз, развития оперативно-розыскной деятельности, внедрения цифровых методов криминалистики и расширения межгосударственного сотрудничества. Обоснованы перспективные направления профилактики и защиты прав жертв вымогательства в современных условиях.

Ключевые слова: вымогательство, шантаж, кибершантаж, уголовная ответственность, квалификация, киберпреступность, виктимология, расследование, зарубежный опыт.

formal-legal, comparative-legal, criminological and victimological methods are used, which ensures comprehensive consideration of the problem. The experience of Russia and foreign countries in the field of qualification, prevention and response to extortion is compared. In conclusion, it is concluded that it is necessary to improve legislation and the practice of its application, taking into account new types of threats, the development of operational investigative activities, the introduction of digital methods of criminology and the expansion of interstate cooperation. The promising directions of prevention and protection of the rights of victims of extortion in modern conditions are substantiated.

Keywords: extortion, blackmail, cyber-blackmail, criminal liability, qualification, cybercrime, victimology, investigation, foreign experience.

ВВЕДЕНИЕ

Вымогательство представляет собой одно из наиболее опасных преступлений против собственности, тесно связанное с применением угроз и насилия. Его исторические корни уходят в глубокое прошлое, однако в современных условиях проблема вымогательства приобретает новые формы [1]. Кибершантаж — вымогательство с использованием цифровых технологий — стремительно распространяется. По оценкам, как минимум 6–7 тыс. интернет-компаний регулярно выплачивают «дань» сетевым вымогателям [2]. Данная ситуация свидетельствует о высоком уровне латентности и социальной опасности вымогательства в цифровой среде. Одновременно сохраняются сложные вопросы квалификации вымогательства и отграничения его от смежных составов, что подтверждается как теоретическими спорами, так и противоречивой судебной практикой [3].

В последние годы тема вымогательства и шантажа получила заметное отражение в научной литературе. Вопросы исторической эволюции уголовно-правовых норм подробно исследованы А. Г. Смолиным, который акцентирует внимание на генезисе состава вымогательства и изменении подходов к ответственности на различных этапах развития законодательства [1]. Проблемы квалификации, современного понятия и разграничения состава подробно рассматривают И. Н. Мосечкин и С. А. Ступина, анализируя как теоретические вопросы, так и примеры судебной практики [3; 4]. К специфике кибершантажа и новым формам преступления обращаются Т. М. Лопатина и А. Д. Чурсина, выделяя особенности цифровой среды, анализируя угрозы и методы совершения противоправных действий [2; 7]. Виктимологические характеристики жертв, психологические последствия и аспекты профилактики освещает в своем исследовании Д. В. Жмуров [5]. Статистические данные, а также вопросы выявления и расследования раскрыты в работах Т. В. Колесниковой, которая уделяет внимание динамике преступлений и затруд-

нениям правоприменения [8; 9]. Несмотря на широкий круг научных публикаций, большинство исследований фокусируется либо на отдельных аспектах, либо ограничивается анализом существующего законодательства и практики. Таким образом, наметился определённый научный интерес к проблеме вымогательства, однако комплексные междисциплинарные исследования, интегрирующие исторические, правовые, криминологические и виктимологические подходы, до сих пор отсутствуют. В современной ситуации остро ощущается нехватка работ, обобщающих зарубежный опыт и цифровые вызовы, а также исследований, ориентированных на совершенствование законодательства и профилактических стратегий.

В связи с этим актуально комплексное исследование уголовной ответственности за вымогательство: от историко-правовых аспектов становления норм, через анализ современного понятия и квалификаций, до рассмотрения особенностей кибершантажа, виктимологического измерения проблемы, методов выявления и расследования таких преступлений, а также обобщения зарубежного опыта противодействия. Настоящая работа ставит целью обобщить данные аспекты и выявить направления совершенствования борьбы с вымогательством на основе анализа доктринальных источников и законодательных подходов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основывается на анализе нормативно-правовых актов (исторических и современных уголовных законов) и научных публикаций ведущих специалистов в данной области. В работе использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также специальные юридические методы. Применен историко-правовой метод при реконструкции эволюции законодательства о вымогательстве, формально-юридический метод — для толкования современного понятия вымогательства, сравнительно-правовой анализ — при рассмотрении зарубежного законодательства, криминологический подход — для изучения статистических показателей и виктимологических характеристик, и криминалистический метод — при изучении вопросов выявления, расследования и прогнозирования вымогательств. Такой комплексный методологический подход обеспечил объективность и всесторонность полученных результатов.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Уголовно-правовая норма о вымогательстве формировалась постепенно, отражая особенности социальных отношений разных эпох. Одно из первых упоминаний о вымогательстве содержалось в Псковской судной грамоте 1407 года, где говорилось о вымогательстве взятки должностными лицами [1]. Судебник 1550 года уже прямо предусматривал ответственность за вымогательство взяток неделейщиками (нижними чинами судебных исполнителей), установив для виновных телесные наказания и обязанность вернуть втрое сумму взятого незаконного вознаграждения. В допетровский период получила распространение практика так называемого «ложного доноса»: преступники подбрасывали ничего не подозревающим гражданам краденое имущество, а затем требовали у них выкуп за неразглашение в органы сыска. Масштаб таких случаев стал столь значительным, что уже в середине XVII века царским указом был введен запрет на некоторые действия (например, давать деньги в долг без оформления) с целью пресечь подобные схемы вымогательства [1].

Завершенное оформление состав вымогательства получил в российском законодательстве только в начале XX века. Уголовное уложение 1903 года впервые закрепило са-

мостоятельный состав вымогательства, отнеся его к имущественным преступлениям. Вымогательство определялось как принуждение к уступке имущественного права или совершению иной невыгодной сделки имущественного характера посредством насилия либо угрозы причинения вреда с целью получения выгоды. Санкция уложения была весьма суровой: вплоть до 8 лет каторги при отягчающих обстоятельствах, к числу которых относились причинение телесных повреждений, совершение вымогательства вооруженной шайкой, повторность и др. [1].

В советский период подход к вымогательству претерпел изменения. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года включал две самостоятельные статьи о вымогательстве: одна охватывала случаи требования передачи имущественной выгоды под угрозой насилия или уничтожения имущества, другая — вымогательство, соединенное с угрозой разглашения позорящих сведений или передачи их властям (так называемый шантаж). За оба преступления предусматривалось одинаковое наказание — лишение свободы до 2 лет. УК РСФСР 1926 года объединил шантаж с вымогательством, устранив отдельное наименование «шантаж» и рассматривая любые требования под угрозой как единый состав вымогательства. В последующем УК РСФСР 1960 года дифференцировал ответственность за вымогательство в зависимости от объекта посягательства: отдельные статьи предусматривали наказание за вымогательство, посягающее на социалистическую собственность, строже, чем за вымогательство, направленное против личного имущества граждан. Первоначально вымогательство государственного имущества наказывалось лишением свободы до 4 лет, тогда как вымогательство личного имущества — более мягко (например, исправительными работами или лишением свободы до 3 лет). Впоследствии законодатель отказался от деления по форме собственности, и все виды вымогательства стали охватываться одной нормой с единым подходом к защите собственности. Максимальное наказание за квалифицированное вымогательство (связанное с насилием, совершенное группой или рецидивистом) достигало 15 лет лишения свободы, что отражало повышенную опасность этого преступления [1].

Таким образом, исторически уголовная ответственность за вымогательство прошла путь от фрагментарных норм о должностном злоупотреблении и шантаже до развернутого состава преступления против собственности. Уже к концу XX века российское законодательство имело сложившуюся систему норм об ответственности за вымогательство, которая с определенными коррективами сохранилась в действующем УК РФ [1].

СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ, КВАЛИФИКАЦИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Действующее уголовное законодательство РФ относит вымогательство к преступлениям против собственности и дает четкое определение этому деянию. Согласно ч. 1 ст. 163 УК РФ, вымогательство — это требование передачи чужого имущества, права на имущество или совершения иных действий имущественного характера под угрозой применения насилия, уничтожения имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред их правам или законным интересам [3]. Данное определение охватывает широкий спектр способов принуждения — от физических угроз до шантажа разглашением порочащей информации [3; 4]. Важнейшим признаком состава является выдвижение требования имущественного характера под указанные угрозы [3].

Закон предусматривает несколько квалифицирующих признаков вымогательства,

усиливающих ответственность. К ним относятся, в частности, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, применение насилия или угроз, опасных для жизни и здоровья, причинение значительного ущерба гражданину, а также совершение вымогательства организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 2 и 3 ст. 163 УК РФ) [4]. Наличие таких отягчающих обстоятельств переводит преступление в категорию тяжких или особо тяжких, что отражается в размере санкций. Максимальное наказание за вымогательство при особо квалифицирующих обстоятельствах составляет до 15 лет лишения свободы [4].

Практика применения ст. 163 УК РФ показывает, что правоприменители сталкиваются с рядом сложностей в квалификации вымогательства. Одной из проблем является отграничение вымогательства от смежных преступлений, прежде всего мошенничества. Когда в действиях виновного присутствуют и обман, и угрозы, возникает вопрос, какой состав преобладает [4]. Научные исследования отмечают, что, если угроза носит лжевыдуманный характер (например, преступник блефует о намерении применить насилие), такое деяние содержит черты и вымогательства, и обмана, что затрудняет правовую оценку [5]. Суды в подобных ситуациях, как правило, квалифицируют содеянное по ст. 163 УК РФ, исходя из наличия факта психологического принуждения потерпевшего, однако дискуссии в теории на этот счет продолжаются [5].

Еще одна актуальная проблема — недостаточная определенность перечня угроз, указанных в законе. Так, ч. 1 ст. 163 УК содержит закрытый список форм давления (насилие, уничтожение имущества, разглашение определенных сведений). В современной практике встречаются новые виды угроз, не явно прописанные в законе, например угроза распространить в сети Интернет личные данные или интимные фотографии жертвы [3; 4]. Некоторые ученые полагают, что законодательному регулированию требуется адаптация к таким вызовам: предлагается расширить диспозицию ст. 163 УК РФ, дополнив ее новыми видами угроз или уточнив формулировки, чтобы охватывать все потенциально опасные способы принуждения [3]. Такая мера, по мнению специалистов, позволила бы устранить пробелы в ответственности и облегчить квалификацию кибершантажа в рамках существующей нормы [3].

Таким образом, современное понятие вымогательства в российском уголовном праве достаточно детализировано, однако динамика развития криминальной практики ставит новые вопросы. Требуется тонкое разграничение вымогательства от родственных составов и возможное совершенствование законодательства для учета изменяющихся способов совершения данного преступления [3; 4].

КИБЕРШАНТАЖ И ВИКТИМОЛОГИЯ

Стремительное развитие информационных технологий породило феномен кибервымогательства (кибершантажа). Виртуальное пространство становится все более криминогенной средой: одним из новейших видов современных атак является компьютерное вымогательство (ransomware) [2]. Т.М. Лопатина отмечает, что эпидемия кибервымогательства постепенно захватывает интернет-пространство, и в ближайшее время этот вид преступности может стать одной из наиболее серьезных угроз цифровой безопасности [2]. Кибершантаж проявляется в различных формах. Распространены атаки с использованием вредоносных программ, блокирующих доступ к данным жертвы до уплаты «выкупа». Например, вирусы типа Trojan-Ransom шифруют файлы на компьютере и угрожают их уничтожением, если требование злоумышленников не будет выполнено [2; 6]. Другой распространенный сценарий — DDoS-шантаж, когда

преступники угрожают парализовать сайты коммерческих компаний посредством массированной атаки, требуя деньги за отказ от нападения. Из-за боязни остановки бизнеса многие компании вынужденно соглашаются платить вымогателям, что подтверждается статистикой: тысячи организаций фактически находятся на постоянном «положении данников» у киберпреступников [2].

Показателен первый известный случай интернет-вымогательства, зарегистрированный еще в начале 2000-х годов в США. Молодой блогер создал сайт, на котором разместил историю о своем питомце крольчонке по кличке Тоби, пригрозив убить и съесть животное, если пользователи не пожертвуют определенную сумму денег. За несколько месяцев под влиянием этой шокирующей угрозы он собрал около 20 тыс. долл. от сочувствующих граждан. Данный эпизод продемонстрировал, что преступники могут использовать глобальную сеть для оказания психологического давления на потерпевших в массовом масштабе. С точки зрения закона, принципиальной разницы между вымогательством «офлайн» и в интернете не существует — вымогательство остается вымогательством независимо от среды совершения. Объектом посягательства при кибершантаже выступают имущественные права и интересы потерпевшего, в том числе доступ к информации, хранящейся в электронном виде [2]. Таким образом, действующее уголовное законодательство позволяет квалифицировать большинство видов кибервымогательства по ст. 163 УК РФ, хотя доказательство таких преступлений зачастую сопряжено с особыми трудностями.

При анализе кибершантажа важен и виктимологический аспект. Для успешного вымогательства преступники тщательно выбирают уязвимых жертв и эксплуатируют их психологические особенности [5]. Бурное развитие социальных сетей породило распространение шантажа компрометирующими личными сведениями и изображениями. Злоумышленники получают доступ к приватной информации (например, интимным фотографиям) и требуют у граждан деньги за неразглашение этих сведений. Подобные действия посягают не только на собственность, но и на неприкосновенность частной жизни потерпевших [7]. В исследовании А. Д. Чурсиной отмечается, что вымогательство, соединенное с угрозой разоблачения личных тайн, по сути является смежным составом, затрагивающим честь и достоинство человека, что усложняет выбор правовых средств защиты [7].

Виктимологические исследования показывают, что жертвами кибершантажа нередко становятся несовершеннолетние, молодые люди, активные пользователи интернета, а также предприниматели, чья деятельность сильно зависит от репутации и непрерывности онлайн-сервисов [5]. Потерпевшие испытывают мощное психологическое давление, чувство страха и стыда, что зачастую мешает им своевременно обратиться за помощью в правоохранительные органы. Этот фактор усиливает латентность кибервымогательств. Для противодействия необходимо уделять особое внимание профилактике — повышению цифровой грамотности и бдительности потенциальных жертв, а также обеспечению конфиденциальности личных данных [5]. Требуется разработка механизмов защиты потерпевших: например, гарантии анонимности при сообщении о случаях шантажа, психологическая поддержка, оперативное пресечение распространения незаконно полученной информации. Таким образом, проблема кибершантажа имеет ярко выраженное междисциплинарное измерение, объединяя уголовно-правовые, информационно-технические и виктимологические аспекты [5; 7].

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАССЛЕДОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Эффективность борьбы с вымогательством во многом зависит от своевременного выявления и качественного расследования этих преступлений. Однако официальная статистика свидетельствует о сохраняющихся сложностях на данном направлении. Так, количество зарегистрированных вымогательств за 2019 год возросло на 5,6% по сравнению с предыдущим годом, тогда как раскрываемость этих преступлений, напротив, ухудшилась на 7,6% [8, с.238]. Данный тренд указывает на существенную латентность вымогательств и недостаточную результативность оперативно-розыскных мероприятий. Многие эпизоды остаются скрытыми от учета, поскольку потерпевшие не заявляют о вымогательстве из страха перед преступниками или недоверия к правосудию [9]. К тому же, в условиях кибервека вымогатели все чаще используют анонимные средства связи, зашифрованные каналы и криптовалюты, что затрудняет их идентификацию и отслеживание денежных потоков [8].

Основными проблемами, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при раскрытии и расследовании вымогательств, являются: значительная латентность данного вида преступлений и связанный с ней дефицит исходящей от потерпевших информации; снижение раскрываемости на фоне роста зарегистрированных случаев, что указывает на сложности в разоблачении и доказывании вымогательств; повышенная сложность доказывания, особенно при кибершантаже, требующая специальных технических знаний для сбора и анализа цифровых доказательств; маскировка вымогателей под легальные отношения (например, псевдодолговые обязательства), затрудняющая отличение вымогательства от гражданско-правовых споров [8; 9].

Для преодоления перечисленных трудностей в доктрине и практике предлагаются комплексные меры. Во-первых, необходима активная реализация межведомственного взаимодействия и привлечение специалистов различных профилей — IT-экспертов, финансистов, психологов — к расследованию сложных случаев вымогательств. Использование специальных знаний позволяет более эффективно выявлять скрытые схемы преступников, расшифровывать электронные следы и оценивать психологическое состояние потерпевших. Во-вторых, важным направлением совершенствования является внедрение методов криминалистического прогнозирования преступлений данной категории. Анализ динамики и структуры вымогательств, моделирование типичных ситуаций и поведенческих сценариев вымогателей дают возможность предусмотреть появление новых способов вымогательства и принять проактивные меры. Как отмечается в исследовании Т. В. Колесниковой, правоохранительным органам следует формировать и регулярно обновлять банки данных о характерных способах и признаках вымогательства, проводить ситуационный анализ и прогнозировать изменения криминогенной обстановки [8]. Эти меры позволят более результативно планировать оперативно-розыскную работу и предупреждать преступления.

В целом, выявление и расследование вымогательств требуют современного подхода, сочетающего классические методы уголовного розыска с использованием новейших технологий и аналитических инструментов. Повышение качества расследования, обучение следователей специальным навыкам, а также системная профилактическая работа –необходимые условия для снижения уровня вымогательств. Перспективы цифровой криминологии в анализе и прогнозировании преступности рассматриваются как важное направление совершенствования борьбы с вымогательством.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Изучение зарубежного опыта противодействия вымогательству демонстрирует разнообразие правовых подходов к данному преступлению. В большинстве государств вымогательство признается тяжким уголовным деянием, однако терминология и конструкция составов могут отличаться. Так, в странах англосаксонской системы права действует самостоятельный состав blackmail («шантаж»), охватывающий случаи вымогательства посредством угрозы разглашения сведений или предъявления обвинения, тогда как вымогательство с применением насилия зачастую выделяется отдельно (например, extortion в США охватывает любые формы получения имущества под угрозой) [10]. Таким образом, то, что в российском праве объединено в одном составе ст. 163 УК РФ, за рубежом может регулироваться двумя и более отдельными нормами [10]. Тем не менее сущностные признаки преступления — требование имущественной выгоды под незаконной угрозой — присутствуют во всех правовых системах [3].

Размеры санкций за вымогательство за рубежом сопоставимы с российскими и нередко даже более строги при отягчающих обстоятельствах. Во многих странах вымогательство в квалифицированных случаях (например, с угрозой причинения тяжкого вреда или совершенное организованной группой) наказывается длительным тюремным заключением. Так, законодательство ряда государств предусматривает наказание вплоть до 10 лет лишения свободы за вымогательство при отягчающих обстоятельствах [3]. К тому же, зарубежный опыт знает специальные составы, нацеленные на противодействие новым формам вымогательства. Например, в некоторых юрисдикциях введена ответственность за вымогательство, сопряженное с посягательством на информационную безопасность (аналог кибершантажа), либо приняты отдельные нормы о вымогательстве в отношении коммерческих организаций, учитывающие специфику давления на бизнес [10].

Отдельно следует отметить международно-правовые инициативы по борьбе с вымогательством, особенно совершаемым с использованием информационных технологий. В рамках международного сотрудничества разрабатываются меры противодействия киберпреступности, включающие пресечение кибервымогательств. Например, Будапештская конвенция о киберпреступности рекомендует государствам криминализировать деяния, связанные с незаконным доступом к информации и вымогательством в цифровой сфере. Правоохранительные органы разных стран обмениваются опытом и координируют операции по поимке кибервымогателей, действующих транснационально. Зарубежная практика показывает эффективность создания специализированных подразделений полиции, занимающихся расследованием вымогательств (в том числе киберформ), а также полезность внедрения программ защиты свидетелей и потерпевших, особенно в случаях шантажа [10].

Обобщенно можно заключить, что зарубежный опыт акцентирует три ключевых элемента противодействия вымогательству: строгие и деталированные уголовно-правовые нормы, адаптированные к различным способам вымогательства; проактивные меры правоохранительных органов, включая международное сотрудничество; и поддержка потерпевших с целью побуждения их к раскрытию преступлений. Данный опыт представляет значительную ценность для отечественного законодателя и практики правоприменения.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование позволяет выделить несколько существенных теоретических и практических положений. Во-первых,

эволюция уголовной ответственности за вымогательство в России свидетельствует о постепенном расширении понимания объектов защиты. Исторически вымогательство рассматривалось преимущественно как посягательство на имущество, однако современные ученые указывают на комплексный характер этого преступления. Оно затрагивает не только имущественные права, но и личную свободу, психическое состояние потерпевшего, его честь и достоинство. По этой причине ряд авторов, включая С. А. Ступину, предлагает пересмотреть классическую трактовку объекта вымогательства: защита должна охватывать и неприкосновенность личности, свободу принятия решений, которые нарушаются путем угроз [4]. Такой расширенный взгляд согласуется с виктимологическими данными о тяжелом психологическом ущербе, наносимом жертвам вымогательства, особенно в случаях шантажа конфиденциальной информацией.

Во-вторых, анализ проблем квалификации вымогательства выявил неоднозначность разграничения данного состава от смежных преступлений. Наибольшие дискуссии вызывает соотношение вымогательства и мошенничества, а также вымогательства и самоуправства. Практика показывает, что, если виновный, действуя под видом кредитора, выдвигает завышенные или мнимые требования под угрозой, правовая оценка колеблется между мошенничеством, самоуправством и вымогательством. Д. В. Жмуров отмечает необходимость разработки четких критериев разграничения: ключевым признаком вымогательства является именно психическое принуждение потерпевшего, тогда как при мошенничестве доминирует обман, а при самоуправстве — претензия на мнимое право [5]. Судебная практика частично выработала подходы (так, если используется прямое угрозою взыскания несуществующего долга, действия квалифицируются как вымогательство), однако отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда по некоторым пограничным ситуациям сохраняет почву для ошибок и разногласий [5].

В-третьих, появление новых форм и способов вымогательства в цифровую эпоху ставит вопрос о совершенствовании уголовного закона. Научные предложения, озвученные в данной работе, включают расширение перечня незаконных угроз в диспозиции ст. 163 УК РФ, чтобы покрыть, например, угрозы распространения любых личных сведений, не только «позорящих» потерпевшего [3]. Действующая редакция статьи концентрируется на угрозе разглашения порочащих либо иных сведений, могущих причинить вред правам потерпевшего, однако цифровая реальность порождает новые виды информации (персональные данные, частная переписка и др.), шантаж которыми не вполне укладывается в указанные категории. Поправка закона, учитывающая эти аспекты, смогла бы устранить пробел в ответственности и облегчить привлечение к ответственности кибервымогателей [3]. К тому же, предлагается повысить санкции за вымогательство с использованием информационных технологий, выделив это обстоятельство в число квалифицирующих — по аналогии с совершением преступления организованной группой или в крупном размере. Такой подход отразил бы повышенную общественную опасность кибершантажа и стал бы превентивным сигналом о неотвратимости наказания.

В-четвертых, криминалистический аспект борьбы с вымогательством требует внедрения новых подходов. Как следует из рассмотренных материалов, традиционных методов расследования зачастую недостаточно в условиях, когда преступники используют шифрование, анонимные сети и психологические уловки. Обсуждалась необходимость активного применения цифровой криминалистики, методов киберразведки, отслеживания криптовалютных

транзакций, что предполагает техническое перевооружение и обучение следственных подразделений [8]. Одновременно подчеркивается важность прогнозирования преступности: используя статистический и ситуационный анализ, органы правопорядка могут выявлять рост новых видов вымогательства (например, вымогательство через мессенджеры, с применением дипфейков и т.п.) еще на ранней стадии и разрабатывать упреждающие меры [8]. Дискуссии ведутся и о допустимых пределах оперативных экспериментов в интернете для выявления вымогателей, о расширении межгосударственного сотрудничества (так, необходимость более тесного обмена информацией между странами для пресечения деятельности международных сетей вымогателей отмечается многими авторами [1]. В целом, эффективность правоохранительных мероприятий напрямую связана с тем, насколько быстро системы правоприменения адаптируются к инновационным способам совершения вымогательств.

Наконец, в-пятых, рассмотрение зарубежного опыта обнажает как сходства, так и различия подходов, что предоставляет материал для научной полемики. Сходство состоит в том, что и отечественная, и зарубежные правовые системы признают вымогательство тяжким преступлением и стремятся обеспечить разностороннюю защиту потерпевших. Различия же проявляются в деталях: например, отдельное выделение шантажа в англо-американском праве вновь поднимает вопрос, не целесообразно ли и в российском законе дифференцировать угрозы насилием и угрозы оглаской в виде разных статей [1]. Противники такой идеи указывают, что унифицированный состав удобнее в применении и охватывает все случаи вымогательства, тогда как сторонники отмечают, что специфика шантажа (как посягательства на неприкосновенность частной жизни) заслуживает отдельной нормы. Еще один предмет обсуждения — внедрение зарубежных профилактических практик, например программ поощрения сообщений о вымогательстве. В некоторых странах действуют анонимные «горячие линии» для жертв шантажа, фонды компенсации, активно привлекаются общественные организации к поддержке потерпевших. Российский опыт пока менее систематизирован в этой сфере, что указывает на перспективные направления заимствования позитивного зарубежного опыта [1].

Подводя итог обсуждению, следует отметить, что уголовно-правовая наука и практика единодушны в оценке вымогательства как сложного, многогранного явления, реагирование на которое требует постоянного развития. Различия во взглядах касаются скорее средств и методов: оптимальной конструкции закона, подходов к квалификации и тактике расследования. Представляется, что дальнейшее совершенствование законодательства и правоохранительной деятельности должно строиться на учете исторического опыта, текущих тенденций (включая цифровизацию преступности) и апробированных зарубежных практик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторический путь развития уголовной ответственности за вымогательство в России демонстрирует поступательное расширение и усложнение правового регулирования. От первых норм средневекового права, касавшихся вымогательства взяток должностными лицами, через кодифицированные решения начала XX века, вплоть до современного УК РФ — законодатель последовательно формировал состав вымогательства как тяжкого преступления против собственности. В настоящее время ст. 163 УК РФ дает относительно полное определение вымогательства, охватывая традиционные и информационные формы принуждения, и предусматривает строгие наказания, адекватные высокой общественной опасности данного деяния.

Однако динамично меняющаяся криминальная реальность предъявляет новые требования к правоприменению. Появление кибершантажа и иных нетипичных способов вымогательства выявило отдельные пробелы как в законе, так и в практике борьбы с этим преступлением. Сделанные в исследовании выводы показывают, что эффективное противодействие вымогательству требует комплексного подхода. Необходимо совершенствовать уголовное законодательство — в частности, уточнить состав вымогательства с учетом появления новых видов угроз и, возможно, дифференцировать ответственность за различные формы вымогательства. Параллельно следует укреплять методы раскрытия и расследования: оснащать правоохранительные органы современными техническими средствами, повышать квалификацию следователей, внедрять аналитические и прогностические инструменты для раннего выявления тенденций вымогательств.

Важнейшим элементом противодействия остается защита прав потерпевших. Предотвращение виктимизации — через информирование граждан о приемах вымогателей, развитие каналов доверительного сообщения о случаях шантажа — должно сочетаться с мерами помощи жертвам. Обеспечение конфиденциальности обращения, психологическая поддержка, гарантии безопасности способны вывести из тени многие латентные преступления и тем самым лишить вымогателей ощущения безнаказанности.

Зарубежный опыт, рассмотренный в работе, подтверждает универсальность проблемы вымогательства и одновременно предлагает ценные идеи для ее решения. Международное сотрудничество и обмен информацией, унификация подходов к киберпреступности, а также заимствование лучших практик (например, специализированных подразделений по расследованию вымогательств, программ поддержки потерпевших) могут значительно усилить национальную систему противодействия.

Подводя итог, можно констатировать: уголовно-правовая политика в сфере борьбы с вымогательством должна быть нацелена на опережающее реагирование на новые вызовы. Сохраняя преемственность проверенных временем норм и институтов, важно одновременно быть гибкими и инновационными. Только в этом случае удастся обеспечить надежную защиту граждан и организаций от преступных посягательств вымогателей в современных условиях. Государство, научное сообщество и гражданское общество призваны совместными усилиями минимизировать угрозу вымогательства, утвердить неизбежность ответственности виновных и тем самым укрепить принцип незыблемости прав собственности и личной безопасности каждого человека.

БИБЛИГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Смолин А. Г.* История развития российского уголовного законодательства об ответственности за вымогательство // Инженерные технологии и системы. — 1996. — № 1. — С. 10–15.
2. *Лопатина Т. М.* Условноцифровое вымогательство, или кибершантаж / Т. М. Лопатина // Журнал российского права. — 2015. — № 1(217). — С. 118–126. — DOI 10.12737/7255. — EDN THASGT.
3. *Мосечкин И. Н.* Совершенствование перечня угроз, регламентированного в статье 163 УК РФ, как мера противодействия вымогательству / И. Н. Мосечкин // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 257–267. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).257-267. — EDN HAMXDR.
4. *Ступина С. А.* Отдельные вопросы квалификации вымогательства, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет / С. А. Ступина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2023. — № 4(53). — С. 71–78. — DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_71. — EDN UMYFOE.
5. *Жмуров Д. В.* Кибервиктимология вымогательств в цифровом пространстве / Д. В. Жмуров // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2022. — Т. 24, № 2. — С. 85–98. — DOI 10.24866/1813-3274/2022-2/85-98. — EDN ODVQUB.
6. *Гайдин А. И.* Проблемы формирования частной криминалистической методики расследования вымогательства, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А. И. Гайдин, А. В. Морин // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7(223). — С. 310–313. — DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_310. — EDN YZONMR.
7. *Чурсина А. Д.* Кибервымогательство и угрозы в социальных сетях / А. Д. Чурсина // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 5. — С. 294–296. — DOI 10.24412/2073-0454-2022-5-294-296. — EDN QATLOX.
8. *Колесникова Т. В.* Прогнозирование и анализ ситуаций в деятельности правоохранительных органов по борьбе с вымогательством / Т. В. Колесникова, О. В. Шутило // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2022. — Т. 1, № 2(101). — С. 235–247. — DOI 10.51965/20767919_2022_1_2_235. — EDN HBKXPN.
9. *Колесникова Т. В.* Выявление вымогательства / Т. В. Колесникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 2(151). — С. 204–208. — DOI 10.24412/2227-7315-2023-2-204-208. — EDN QFZXAY.
10. *Чурсина А. Д.* Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия криминальным угрозам / А. Д. Чурсина // Вестник экономической безопасности. — 2022. — № 4. — С. 251–256. — DOI 10.24412/2414-3995-2022-4-251-256. — EDN VRMDZZ.

REFERENCES

1. *Smolin A. G.* Istoriia razvitiia rossiiskogo ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za vymogatel'stvo [History of the development of Russian criminal legislation on liability for extortion]. Inzhenernye tekhnologii i sistemy, 1996, No. 1, pp. 10–15.
2. *Lopatina T. M.* Uslovnotsifrovoe vymogatel'stvo, ili kibershantazh [Conditional digital extortion, or cyber blackmail]. Zhurnal rossiiskogo prava, 2015, No. 1(217), pp. 118–126. DOI: 10.12737/7255.
3. *Mosechkin I. N.* Sovershenstvovanie perechnia ugroz, reglamentirovannogo v state 163 UK RF, kak mera protivodeistviia vymogatel'stvu [Improvement of the list of threats regulated in Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation as a measure to counter extortion]. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal, 2022, vol. 16, No. 2, pp. 257-267. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).257-267.
4. *Stupina S. A.* Otdelnye voprosy kvalifikatsii vymogatel'stva, sovershennogo s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei, v tom chisle seti Internet [Some issues of the qualification of extortion committed using information and telecommunication networks, including the Internet]. Vestnik Sibirskoho iuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2023, No. 4(53), pp. 71–78. DOI: 10.51980/2542-1735_2023_4_71.

5. *Zhmurov D. V.* Kiberviktimologiia vymogatel'stv v tsifrovom prostranstve [Cybervictimology of extortion in the digital space]. Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo, 2022, vol. 24, No. 2, pp. 85–98. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-2/85-98.
6. *Gaidin A. I.*, *Morin A. V.* Problemy formirovaniia chastnoi kriminalisticheskoi metodiki rassledovaniia vymogatel'stva, sovershaemogo s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii [Problems of forming a private forensic methodology for investigating extortion committed using information and telecommunication technologies]. Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika, 2023, No. 7(223), Pp. 310–313. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_310.
7. *Chursina A. D.* Kibervymogatel'stvo i ugrozy v sotsial'nykh setiakh [Cyber extortion and threats in social networks]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2022, No. 5, pp. 294–296. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-5-294-296.
8. *Kolesnikova T. V.*, *Shutilo O. V.* Prognozirovanie i analiz situatsii v deiatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s vymogatel'stvom [Forecasting and analysis of situations in the activities of law enforcement agencies in the fight against extortion]. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva, 2022, vol. 1, No. 2(101), pp. 235–247. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_2_235.
9. *Kolesnikova T. V.* Vyiavlenie vymogatel'stva [Detection of extortion]. Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii, 2023, No. 2(151), pp. 204-208. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-2-204-208.
10. *Chursina A. D.* Zarubezhnyi opyt ugolovno-pravovogo protivodeistviia kriminal'nym ugrozam [Foreign experience in criminal law counteraction to criminal threats]. Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti, 2022, No. 4, pp. 251–256.

Информация об авторе

ХОМУТОВА РУСЛАНА ГЕННАДЬЕВНА
студентка Волгоградского государственного университета (ВолГУ), г. Волгоград, Россия
e-mail: ruslanahomutova31@gmail.com

ДАВТЯН ДАВИД ВАСИЛЬЕВИЧ
Старший преподаватель кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет (ВолГУ), г. Волгоград, Россия
e-mail: davtyan_dv@volsu.ru

About the author

RUSLANA G. KHOMUTOVA
student, Volgograd State University (VolSU), Volgograd, Russia
ORCID: 0009-0003-4359-0805

DAVID V. DAVTYAN
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Volgograd State University (VolSU), Volgograd, Russia
ORCID: 0000-0003-3819-1319

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 24.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.